

М. Ш. БАХИТОВ

Американская функциональная теория общества

1962

философия

II серия

М. Ш. БАХИТОВ

АМЕРИКАНСКАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА

*(Исторический материализм и буржуазная
социологическая теория структурного функционализма)*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Всесоюзного общества по распространению
политических и научных знаний

Москва 1962

Буржуазные идеи о незыблемости капитализма, о постепенной демократизации и приспособлении его к интересам народа давно опровергнуты не только теоретически, марксистско-ленинской наукой об обществе, но и практически, самой жизнью.

Революционные преобразования, происшедшие за последние два десятилетия, имеют глубокое всемирно-историческое значение, они указывают на то, что главным содержанием нашей эпохи является переход человечества от капитализма к социализму, превращение социализма в главное направление мирового развития.

В капиталистических странах нарастают и ширятся упорные классовые битвы рабочих и всех трудящихся против режима бесчеловечной эксплуатации и социального гнета.

Происходит великая консолидация всех прогрессивных общественных сил мира в борьбе с империалистической реакцией за социализм, демократию и мир между народами.

Вступление Советского Союза в период развернутого строительства коммунизма, Программа КПСС, определившая пути продвижения советского народа к высотам коммунизма, открывают новую замечательную страницу международного коммунистического движения.

Теперь уже каждый честный человек в мире видит тот настоящий триумф, который принесла наша эпоха идеям коммунизма, марксизму-ленинизму, ставшему властителем дум передового человечества.

Совершенно другую картину представляет буржуазная идеология, которая, навсегда порвав с относительно прогрессивными идеями, свойственными ей на заре капитализма, теперь, в период заката капитализма, переживает непреодолимый кризис разложения и упадка.

Отстаивая то, что изо дня в день разрушается и обречено на гибель, буржуазная идеология сама оказалась в тупике. Она не в состоянии уже выдвинуть идеи, которые могли бы повести за собой народные массы. Главное назначение ее состоит в том, чтобы отравлять сознание трудящихся всякого

рода ложными, но выгодными для эксплуататоров представлениями и понятиями о современной жизни. Тут и маскировка эксплуататорской природы капитализма под народный строй, и усиливавшиеся попытки опорочить коммунизм и его справедливые, гуманные идеи, тут и проповедь антинаучных философских и общественных теорий и доктрин, извращение и фальсификация законов общественного развития.

Хотя виды и формы буржуазной идеологии, методы и средства обмана трудящихся разнообразны, но суть их, как отмечается в Программе КПСС, одна — защита отживающего капиталистического строя. К одной из таких форм современной буржуазной идеологии принадлежит и рассматриваемая здесь общественная теория, выступающая в США под модной этикеткой «структурного функционализма». Ей отводится сейчас одно из первых мест среди общественных теорий и доктрин буржуазной идеологии США.

Некоторые буржуазные обозреватели относят структурный функционализм к разряду так называемых «больших теорий», считают его даже новой школой в социологии, «основной методологической линией» западной общественной мысли последнего десятилетия. Нередко можно слышать также, что структурный функционализм является теорией, серьезно противостоящей марксистскому учению об обществе. В структурном функционализме видят, кроме того, выход буржуазной общественной мысли из того тупика, в который завела ее широко распространенная в США эмпирическая социология.

Для эмпирической буржуазной социологии характерны игнорирование общих теоретических вопросов современной жизни, однобокое увлечение постановкой экспериментов, исследований и опросов по поводу часто малозначащих фактов и явлений. Превращение эмпирической социологии в «административную социологию», непосредственно обслуживающую интересы промышленных, торговых и иных монополистических организаций США, привело, как признают теперь на Западе, к образованию опасного для капиталистического мира вакуума в области общественных идей. Этот вакуум и призвана якобы заполнить теория структурного функционализма.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФУНКЦИОНАЛИЗМ И ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Как показывает само название этой теории, ее представители претендуют на научное объяснение структуры (строения) общества (независимо от его исторических форм), а также функций (роли и назначения) различных общественных явлений и социальных групп в обществе.

Общественная жизнь складывается из взаимодействия различных материальных, экономических и духовных, идеологических явлений, поэтому, когда говорят о структуре общества, то обычно имеют в виду характер связи и зависимости, существующий между всеми этими явлениями. Выяснение структуры общества имеет важное значение для познания законов общественного развития. Оно предполагает ответ на вопросы о том, какие из явлений, образующих структуру, играют решающую роль, служа основанием, скелетом общества и какие относятся к производным, зависящим или даже к второстепенным факторам общественного развития.

Вокруг вопроса о структуре общества происходит острая идеологическая борьба между различного рода идеалистическими воззрениями, принимающими за решающую часть общества духовные явления, сознание и волю человека или общественные идеи вообще, и марксистским материалистическим учением, раскрывшим материальную, экономическую основу в строении и развитии общества. И это понятно, ибо то или иное истолкование структуры общества определяет исходные позиции социологической теории и неизбежно влияет на решение других вопросов общественной жизни.

Функционалисты, выступая против марксистского учения, в то же время не хотели бы, чтобы их считали приверженцами идеалистического понимания структуры общества. Поэтому внешне структурный функционализм отличается от открытого идеализма. Функционалисты в своих суждениях исходят из крайне абстрактных положений, рассматривая главным образом формальную структуру всякого общества, безотносительно к его конкретно-историческим типам. Для этого они выдвигают ряд таких «новых» терминов и понятий, как «принципиальные элементы» структуры общества, «функциональное единство общества» и т. д. Особое значение в функционализме придается «установленным образцам социального действия». Именно они, по мнению представителей этой социологической теории, являются важнейшей частью или «принципиальным элементом», образующим «скелет», структуру всякого общества. Выяснение того, что же означают эти «установленные образцы», и будет ответом на вопрос о том, каковы исходные позиции структурного функционализма, его отношение к науке об обществе и место в борьбе двух основных линий в современной социологии — материализма и идеализма.

Укажем здесь пока лишь на то, что термин «установленные» означает у функционалистов «общепринятые», морально одобренные, а «образцы социального действия» — нормы, правила того, как должен вести себя тот или иной человек (например, бизнесмен, политик, врач, глава семьи и т. д.) в обществе, какие цели в жизни он должен ставить перед собой

и какими средствами, путями может добиваться их. Оба термина вместе означают, следовательно, «общепринятые», морально одобренные нормы, правила человеческого поведения. Надо при этом иметь в виду, что за «общепринятое» функционалисты постоянно выдают то, что считается принятым, морально справедливым, законным господствующей буржуазной идеологией.

Набор такого рода правил, образцов поведения людей и одобряющая их мораль относятся, как известно, к области духовной жизни, к формам общественного сознания. Выходит, таким образом, что основой, «скелетом» общества у функционалистов является духовная жизнь, которой они и хотят объяснять все другие явления, общественный строй, весь уклад жизни и поведения людей.

Но судить об обществе, исходя (как поступают функционалисты) из буржуазного общественного сознания, значит оставаться в пределах старых антинаучных идеалистических воззрений на общество.

Функционалисты говорят далее об открытии ими «механизма», связывающего отдельные общественные явления в нечто целое, в единый социальный организм и обеспечивающего, таким образом, существование социальной системы вообще.

Вопрос о единстве общества, о связях и взаимной зависимости отдельных его явлений как частей целого всегда привлекал внимание социологов.

Хотя среди социологов существует немало разноречивых мнений относительно того, в чем же выражается это единство, однако и здесь, как и в вопросе о структуре общества, четко выделяются два главных подхода — идеалистический и материалистический.

Для идеализма основой единства общества служат обычно идеи «солидарности людей», чувства общественного долга, преобладающие над их индивидуальными, частными и групповыми интересами. Буржуазной идеалистической социологии свойственны также попытки абсолютизации единства общества, игнорирование или прямое отрицание существования в «едином» капиталистическом обществе враждебных классов эксплуататоров и эксплуатируемых и борьбы их.

С совершенно иных позиций подходит марксистское материалистическое учение, считающее, что единство общества коренится не в общих для всех людей чувствах и идеях, а в материальных условиях их жизни, в общественном характере труда.

Научная, марксистская социология рассматривает вопрос о единстве общества не только с точки зрения того, как, при каких условиях возможно это единство, но и с точки зрения того, какой характер носит оно, как изменяется в зависимо-

сти от развития условий материальной жизни общества, его экономической структуры.

Функционалисты хотят показать, что их понимание единства общества отличается не только от материалистических, но якобы и от идеалистических взглядов и представляет собой нечто совершенно новое в социологии. «Новым» они считают свою идею «функционального единства общества», означающую, что поскольку социальная система, социальная жизнь уже существует в виде общества, то она требует, чтобы все явления и действия людей поддерживали бы ее. В этом они и видят назначение общественных явлений или «механизм», обеспечивающий единство общества. Поскольку же решающим «элементом» общества они считают «установленные образцы социального действия» (или буржуазное сознание), то последние оказываются у них и основой, причиной единства общества. Но ставить единство общества в зависимость от общественного сознания (называя его «принципиальным элементом» или каким-нибудь другим термином) может означать лишь защиту старых идеалистических воззрений.

Став на этот путь и в вопросе о единстве общества, функционалисты ищут оправдание своим взглядам в биологии. Они полагают, что функция (назначение) общественных явлений (например, религии, морали, политической власти и т. д.), состоящая в поддержке целого, всего общества, подобна функциям органов сложного биологического организма, обеспечивающих ему нормальную жизнедеятельность. Поэтому те или иные явления и их функции столь же необходимы обществу, как и органы для животного.

В идее «функционального единства» общества сказывается явная попытка биологизации общественной жизни, которая приводит функционалистов к смешению исторически преходящих явлений классового общества с более или менее устойчивыми явлениями общественной жизни. Известно, что подобной идеей буржуазная социология и в прошлом старалась затушевывать эксплуататорский и исторически преходящий характер капитализма.

Понятие функции используется в структурном функционализме не только в указанном, биологическом, но и в его математическом значении. В математике понятием функции обозначают такие формы зависимости между величинами, при которых изменение одних (аргументов) сопровождается (более или менее точно выражаемым в математических формулах) изменением других величин (переменных). Математический функциональный анализ находит все более широкое применение в различных отраслях научных знаний и свидетельствует о возрастающей точности этих знаний.

Функционалистов в социологии интересует, однако, математический функциональный анализ не с точки зрения исполь-

зования его для более точного описания законов общественного развития. Они хотят найти в нем доводы против марксистского материалистического понимания закона причинности в общественном развитии. Поскольку общественные явления, утверждают функционалисты, находятся в функциональной зависимости друг от друга, то нет якобы никакой необходимости выделять общественное бытие, экономические условия в качестве главной причины, определяющей собой характер общественного строя и господствующей идеологии. В качестве такой причины, по мнению функционалистов, на различных стадиях общественного развития могут выступать любые общественные явления.

Идея функциональной зависимости общественных явлений свидетельствует о том, что сторонники ее хотят уйти от прямого ответа на вопрос, какие же явления, факторы (материальные или идеальные) играют решающую роль в общественном развитии. Но при такой позиции двери социологии открываются для всякого рода непоследовательных, противоречивых и явно идеалистических взглядов на общество. Не случайно, что и функционалисты, считая якобы невозможным выделить какие-либо явления в качестве решающего фактора, в то же время превращают в такой фактор «установленные образцы социального действия», представляющие собой идеальные мотивы поведения и жизни людей.

Следует отметить еще одну особенность функционализма, а именно ссылки его представителей на то, что к указанным выше «открытиям» они пришли якобы в результате удачного разложения сложных общественных явлений на более «простые элементы» по сравнению с марксистским разграничением их на материальные и духовные. К таким «элементам» общественной жизни функционалисты относят «социальные действия», означающие у них всем давно известные отдельные акты, поступки или целенаправленные действия людей. Эти «элементы» скрупулезно классифицируются функционалистами, объединяются в группы и сводятся затем в целую, универсальную систему взаимодействия людей, которая и фигурирует у них уже в качестве теоретической системы или модели всякого общества. Она строится функционалистами с явным замыслом противопоставить ее марксистскому понятию общества как исторически определенного типа производственных отношений с соответствующими им идеологическими надстройками.

Пытаясь подменить установленное марксизмом понятие общественно-экономической формации абстрактными рассуждениями об обществе как системе взаимодействия людей вообще, функционалисты покушаются на самые основы подлинно научной теории общества.

Вполне естественно, что, взяв за исходное упомянутые нами антинаучные положения, функционалисты при рассмотр-

рении конкретных вопросов общественного устройства приходят к крайне ограниченным и реакционным выводам, оправдывающим режим капиталистической эксплуатации. В этих выводах сказалась вся классовая сущность воззрений функционалистов как одного из отрядов буржуазных идеологов, поставивших перед собой задачу опровержения марксистской теории общества, исторического материализма. Не случайно поэтому, что некоторые буржуазные обозреватели всячески расхваливают структурный функционализм, а главного представителя его, американского социолога профессора Гарвардского университета Т. Парсонса (1902-го года рождения), возводят даже в ранг «великого мыслителя» не только США, но и всего западного мира.

Т. Парсонс занимается опровержением марксизма почти четверть века. Ему принадлежит ряд пухлых «трудов» по функционализму, в которых он считает нужным подробно говорить о марксизме, сопоставлять его с функционализмом и доказывать преимущества последнего перед «устаревшим марксизмом». К одной из наиболее характерных в этом отношении работ Парсонса относится «Социальная система» (1952 г.). В 1960 году он выступает с новой книгой под довольно претенциозным названием «Структура и социальные процессы в современном обществе», в которой предпринимает попытку оправдать американский империализм ссылками на изменившуюся якобы социальную природу капитализма и превращение его в некий «западный социализм». В целях затушевывания эксплуататорской сущности господствующего в США общественного строя Парсонс идет даже на то, что находит в нем ряд черт, говорящих якобы о сходстве его с советским социалистическим общественным строем.

В 1960 году Парсонс публикует свою пространную статью «Общая теория социологии»¹, в которой подводит как бы итог почти двадцатипятилетней эволюции идей структурного функционализма.

Этот итог получился, однако, не в пользу функционализма даже в освещении Парсонса. Оказалось, как признает он, что проводившийся им до последнего времени анализ структуры общества страдал рядом существенных недостатков. Среди них он выделяет, например, игнорирование функционализмом изучения «вертикальной структуры» общества, под которой имеется в виду «распределение» власти, богатств, привилегий и т. п. среди различных социальных групп. Парсонс признает также, что функционализм прошел мимо «динамических процессов» общественной жизни, к которым он относит постоянно происходящий «взаимный обмен товарами» (товарами Парсонс называет не только товары в собст-

¹ См. сборник «Sociology today», USA, 1960, pp. 3—38.

венном смысле этого слова, но и знания, различные услуги), который дает преимущества то одним, то другим социальным группам. Наконец, самым важным упущением функционализма Парсонс считает то, что он не «заметил» источника, причин, вызывающих указанные «динамические процессы», а именно «раздвоение» общественных явлений, как и населения вообще, на различного рода противоположные стороны и части.

На первый взгляд может показаться, что все эти признания Парсонса направлены к тому, чтобы перейти, наконец, от рассуждений о внешней формальной структуре общества вообще и утверждений о статичном, неизменном характере его к изучению реальной структуры капиталистического общества и тех социальных процессов, которые ведут к изменению этого общества. Однако, как показывает содержание упомянутой выше статьи, Парсонс далек от таких желаний. Все поправки и дополнения, которые он вносит в функционализм, несколько не изменяют его антинаучного содержания и направлены главным образом против марксистского учения о классовой структуре капиталистического общества и классовой борьбе как движущей силе этого общества.

Другим известным представителем американского функционализма является ученик и последователь Парсонса профессор Колумбийского университета Р. Мертон.

Р. Мертон еще в 1949 году выступил с объемистой книгой «Социальная теория и социальная структура», в которой уже тогда попытался «улучшить» функционализм Парсонса. В 1957 году указанная книга выходит вторым, дополненным и исправленным изданием. В данной работе, как и в выступлениях в последние годы, Мертон стремится несколько модернизировать функционализм и придать ему еще более абстрактный, формально-логический характер. В частности, Мертон уже считает, что в современном обществе нет того строго функционального единства, в которое верит Парсонс, что существуют и вполне оправдываемые нефункциональные и даже дисфункциональные явления. Иначе, по мнению Мертона, трудно было бы понять изменения, происходящие в общественной жизни. Два момента особенно характерны для Мертона.

Во-первых, постоянное подчеркивание им того, что функционализм приобрел якобы характер «чистой науки», беспартийной общественной теории, которой, как любой другой наукой, могут пользоваться в своих интересах как передовые, прогрессивные, так и консервативные, реакционные классы.

Во-вторых, он обнаруживает «совпадение» ряда положений функционализма с марксистской теорией общества, если последнюю, по его мнению, «освободить» от идеологических суждений, направленных против капитализма.

Мертон, конечно, неоригинален, выдавая функционализм за беспартийную теорию, ведь это старая буржуазная песня. Но то, что он старается популяризировать функционализм, выдавая его за теорию, близкую или почти «совпадающую» в ряде положений с марксистским учением, явление довольно симптоматичное. Очевидно, буржуазная идеология уже настолько дискредитировала себя, что некоторые представители ее вынуждены искать сходство между своими антинаучными взглядами и марксистскими положениями.

Здесь нельзя не упомянуть также еще о двух американских функционалистах. Первым мы назвали бы М. Леви, вторым — Г. Хоманса. Очень показательным, что функционалист Леви выступает усердным защитником «американского образа жизни». Так, в своей книге «Структура общества» Леви призывает официальные круги США шире развернуть «контролирующие функции» государства вплоть до применения «силы» против всех нарушителей «функционального единства и порядка» американского общества. Не случайно, что тот же Леви оказывается одним из наиболее ярых противников марксистской теории.

Что касается Г. Хоманса, то его книга «Человеческая группа» оценивается, например, Мертоном, как значительный вклад в изучение функционалистами малых социальных групп. В действительности же книга Хоманса свидетельствует о полной бесплодности функционализма, когда его пытаются применять к более конкретным явлениям жизни. Хоманс не нашел даже ничего более подходящего для иллюстрации «функциональных процессов», как ссылку на то, что сытно поевший человек не пойдет тут же в ресторан, чтобы снова заказывать себе обед. Так «доказывает» Хоманс функциональную связь между чувствами человека (ощущение голода) и его действиями (хождение в ресторан, заказывание обеда). Но что же тут социального?

В чувстве голода, когда оно отражает чисто физиологическое состояние организма, как известно, нет ничего общественного. Оно приобретает общественное значение тогда, когда это чувство переносится на социальные условия, которые лишают людей средств на пропитание, когда человек начинает протестовать, бороться против тех, кто обрекает его на положение голодающего. Но об этом Хоманс благоразумно умалчивает.

Все эти примеры нужны Хомансу, конечно, не для того, чтобы раскрыть объективную основу и социальный характер взаимоотношений между членами той или иной группы, а для доказательства того, что все в жизни функционально. Раз, мол, есть какие-то чувства, желания, мысли, то наблюдаются и соответствующие действия, поступки и что, таким образом, правы функционалисты и не правы материалисты, выводя об-

шественные чувства, сознание людей из их общественного бытия. Но из того, что люди поступают в соответствии со своими желаниями, вовсе еще не следует, что функционалисты правы. Остается ведь еще вопрос о том, откуда, в чем источник, причина этих общественных чувств, желаний или идей, мыслей. Стараясь отмахнуться от этих вопросов, функционалисты доказывают лишь свою беспомощность перед действительно важными вопросами научной социологии.

В США, а также в Западной Германии и некоторых других капиталистических странах есть немало других функционалистов или близких к ним социологов, которые вносят в функционализм те или иные «свои» поправки, дополнения, считая его вместе с тем многообещающим учением, означающим чуть ли не целый переворот в развитии современной общественной мысли.

Чтобы сколько-нибудь удовлетворительно разобраться во всей этой «переоценке ценностей» в буржуазной идеологии наших дней, в некоторых новых ориентациях ее, необходимо, конечно, взглянуть в самую «лабораторию» функционалистов и более подробно познакомиться с тем, каковы же их основные идеи, кого они представляют и против каких общественных идей они воюют.

«ПРОСТЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ» И ЧТО ЗА НИМИ СКРЫВАЕТСЯ

Человеку, желающему ознакомиться с идеями функционализма, прежде всего предлагают «простые элементы», без которых якобы немыслима современная научная теория общества.

Сама идея начинать рассмотрение сложного явления с анализа элементарных частей не вызывает сомнения, если они действительно просты и помогают понять особенности структуры данного явления. Однако то, что выдают функционалисты за простые элементы социальной системы, означает нечто совершенно иное.

Известно, что марксизм расчленяет все общественные явления на материальные и идеальные. Материальные явления, общественное бытие, экономические, производственные отношения существуют вне и независимо от духовного, идеального, являются исходным, первичным, решающим в жизни и истории общества.

Идеалисты же придерживаются противоположного мнения. За исходное они берут идеальное, духовное, индивидуальное или общественное сознание, пытаясь объяснить им процессы реальной жизни, материальные отношения людей, характер общественного строя.

Понятия материального и духовного, как это всесторонне обосновал Ленин в своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм», относятся к самым широким понятиям. Всякие попытки подвести их под еще более широкие понятия или расчленить их на более простые «элементы», другими словами взять за исходное нечто третье, не материальное и не идеальное, заранее обречены на провал, ибо ничего третьего в этом смысле ни в природе, ни в обществе не существует. Поэтому и никакой третьей, нейтральной к материализму и идеализму или стоящей над ними линии в философии или социологии не может быть.

Но в то же время эклектическое, беспринципное сочетание в одном учении того и другого, стремление скрыть, затушевать принадлежность его к идеализму — явление, широко распространенное в современной буржуазной философии и социологии. Оно характерно и для функционалистов.

Так, например, Парсонс заявляет: если в марксистском учении основой классификации общественных явлений служит деление (расчленение) их на материальные и идеальные (духовные), то «мы пытаемся разложить эти сущности на более простые элементы»¹. Что же это за «простые элементы»? По мнению функционалистов, таким элементом является «социальное действие», т. е., попросту говоря, каждый отдельный акт, поступок, совершаемый одними людьми по отношению к другим.

Взяв за исходное «социальное действие» как более простой элемент по сравнению с общественным бытием и общественным сознанием и определив общество, как систему взаимодействия многих людей, функционалисты полагают, что им удалось преодолеть «односторонности» материализма и идеализма в социологии.

Однако эта претензия функционалистов совершенно несостоятельна. Прежде всего хорошо известно, что результаты действия отдельного человека возникают, как правило, в его сознании, представлениях еще до начала действия, существуют, так сказать, идеально. Сознательно поставленные цели, которых добиваются люди, определяют при этом не только способ, но и характер их действий. Но если действия человека зависят от его сознания и воли, то и общество, понимаемое как простая система взаимодействия людей, подпадает под эту зависимость. Начав с деклараций об открытии «элементарных частиц», «конечных социальных единиц», свидетельствующих якобы о более глубоком понимании основ и структуры социальной системы по сравнению с марксистским материалистическим учением, функционалисты прихо-

¹ T. Parsons, *Essays in Sociological Theory*, USA, 1949, p. 155.

дят в конечном счете к явно антинаучным, субъективно-идеалистическим взглядам, ставящим общественное развитие в зависимость от сознания и воли людей.

Концепция социального действия, как простейшего элемента общественной жизни, несостоятельна и с другой точки зрения. Социальное действие не может быть более простым элементом по сравнению с материальными и духовными явлениями по той простой причине, что само оно складывается из этих явлений. Например, экономическая забастовка рабочих данной отрасли хозяйства США, как определенная форма социального действия, возникает на почве материальных, экономических условий, существующих в США. Будучи одним из внешних проявлений этих условий и протестом против них, забастовка вносит изменение и в духовную жизнь людей, например выдвигаются требования повысить заработную плату, укрепляется убеждение в справедливости и законности этих требований, усиливается чувство ненависти к предпринимателям за их бесчеловечное отношение к рабочим и т. д. Хорош «простой элемент», если он складывается из столь различных, материальных и духовных компонентов. Рассуждениями о подобных элементах функционалисты хотят лишь затемнить объективную, материальную основу общественной жизни, определяющую в конечном счете характер практических социальных действий людей, а также и их сознание.

Идя по пути, предлагаемому функционалистами, т. е. исходя из «социального действия» вообще, нельзя прийти и к пониманию того, что же специфично для социальной системы, чем же отличается она от систем естественных, природных явлений.

В самом деле, разве все, что окружает нас, так или иначе не «действует»? Лучи солнца, разбушевавшийся ветер в поле, животное, поедающее свой корм, летящая птица, рабочий, обрабатывающий металлические детали на станке, и резец станка, выполняющий этот процесс, американский миллионер, подсчитывающий добро, награбленное у народа, демонстрация французских рабочих, требующих повышения зарплаты, нищенствующие дети итальянских трущоб, разгребавшие мусорные ящики в поисках пищи, — разве все эти явления так или иначе не относятся к тому, что называют «действиями»? Как же установить теперь, где кончаются явления и процессы, изучаемые физикой, биологией и вообще естественными науками, и где начинается область социального, общественного, изучаемого социологией или другими общественными науками? Понятие «действия», если взять его за исходное, не только не поможет установлению специфических черт социальной жизни в отличие от других форм жизни природы, а может привести лишь к путанице и ошибкам в теории, примером чему и служит сам функционализм.

До сих пор мы рассматривали социальное действие вообще, как описывают его сами функционалисты, т. е. безотносительно к тем конкретным формам, в которых оно встречается в реальной жизни. Мы установили, что оно не может быть взято за исходный «элемент» социальной системы, не является таким простым элементом, за который выдают его функционалисты, и, наконец, вообще не выражает специфики социальной системы, отличительную особенность ее по сравнению с другими системами природных явлений. Что касается конкретных форм социального действия, то они рассматриваются функционалистами в связи с анализом структуры социальной системы и как один из «принципиальных элементов» этой структуры. Поэтому и мы вернемся к этому вопросу еще раз в соответствующем месте.

Если социальное действие не выражает специфики общественной жизни, то что же тогда может быть взято за первоначальное, отправляясь от которого только и можно выделить социальную систему среди других систем материальных процессов и разобраться во всем том сложном переплетении событий и явлений, которыми сопровождается жизнь и история общества?

В марксизме давно установлено это первоначальное, анализ и выяснение сущности которого позволило марксизму понять не только структуру общественной жизни, но и законы изменения и развития ее. «Там, где существует какое-нибудь отношение, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — оно существует для меня; животное не *«относится»* ни к чему и вообще не *«относится»*; для животного (а тем более, добавим мы, для предметов неживой природы. — М. Б.) его отношение к другим не существует как отношение»¹.

Общественные отношения, сотрудничество людей в процессе производства как специфический вид взаимодействия (до которого так и не добрались функционалисты), или, говоря иначе, общественная форма связей между людьми, и послужили тем исходным материалом, анализ и изучение которого помогли марксизму создать строго научную теорию общественного развития. История материальной и духовной культуры человечества доказывает, что и язык, и общественное сознание возникли именно из потребности, настоящей нужды людей в общении друг с другом в процессе труда, а не в результате неопределенных «действий» вообще.

Какова бы ни была форма человеческого общества, оно представляет собой, как отмечал К. Маркс, «продукт взаимодействия людей»², складывающийся на почве различных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. IV, стр. 21. Изд. 1-е.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., Госполитиздат, 1948, стр. 23.

и часто сложно переплетающихся общественных отношений. Потребовалось бы немало страниц, чтобы только внешне описать эти виды отношений. Тут мы найдем и экономические, и профессионально-технические, семейно-бытовые, национальные и духовные с их различными формами — идеологическими и психологическими. А в классово-антагонистических обществах существуют, кроме того, отношения классового господства и подчинения со многими присущими им формами. Какие же из этих многочисленных отношений первичны, наиболее важны, а какие из них относятся ко вторичным образованиям, к следствиям? И каков характер взаимной связи между ними? Другими словами, выбирают ли люди ту или иную форму общества свободно, согласно существующим в их сознании представлениям, идеям, целям, или эта форма зависит от сил, обстоятельств, лежащих вне их сознания и воли?

Известно, что многие передовые умы еще до появления марксизма упорно искали ответа на эти вопросы и высказывали отдельные правильные догадки. Однако только в марксизме эти вопросы получили свое полное и строго научное разрешение.

Величайшая заслуга марксизма состоит в том, что он не остановился на констатации внешнего взаимодействия явлений, а пошел дальше, углубился в сущность социальной жизни и увидел, что это взаимодействие происходит на основе объективной, независимой от воли и сознания людей экономической необходимости, «*в конечном счете* всегда прокладывающей себе путь»¹.

Производственные отношения, указывающие на то, в чем владения, общественном или частном, находятся средства производства, образуют экономическую структуру общества. Этот экономический базис определяет собой в конечном счете все другие общественные отношения, в том числе и духовные процессы, идеологические отношения. Это исходное положение созданного К. Марксом и Ф. Энгельсом материалистического учения об обществе было, как известно, выражено знаменитым изречением К. Маркса: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»². Выяснив происхождение, источники общественного сознания, К. Маркс и Ф. Энгельс уделили много внимания и той активной роли, которую играют идеологические надстройки в истории и жизни общества.

Марксизм считает, таким образом, что совокупность производственных отношений, образуя экономическую структуру общества, представляет собой основу социальной жизни, яв-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс Избранные письма, стр. 470.

² К. Маркс и Ф. Энгельс Избранные произведения в двух томах. М., Госполитиздат, 1955, т. I, стр. 322.

ляется ее «анатомией», «скелетом», который в реальной действительности облекается, как говорят, плотью и кровью, т. е. соответствующими надстройками. Эти общие положения марксистского материалистического учения указывают на объективные законы изменения и развития социальной жизни, на объективную логику этих изменений и исторического развития в целом.

Однако марксизм не ограничивается установлением лишь общей объективной логики, объективной структуры социальной жизни и законов ее изменения. На конкретном примере, на анализе одной исторической эпохи — капиталистического общества — марксизм продемонстрировал, как выглядит объективная логика исторического процесса в самой реальной действительности, в какой исторически определенной форме она проявляется. Марксизм дал тем самым единственно правильный научный метод исследования других исторических эпох, других исторических типов социальной жизни. Беспочвенные рассуждения и гадания об обществе вообще, о том, каким оно могло бы быть, или о том, каким его желательно видеть с точки зрения идеалов или господствующей морали, марксизм заменил учением об общественно-экономической формации.

Таким образом, для марксизма характерен глубоко исторический подход к проблемам социальной системы. Но этот же исторический подход говорит о том, что и современный капитализм не вечен. Мы являемся свидетелями того, как на место умирающего, но с удесытеренным ожесточением отстаивающего себя капитализма вступает в свои права новая, молодая, несущая народам свободу от всех форм эксплуатации и угнетения, подлинное социальное равенство и счастье, общественно-экономическая формация коммунизма. На земле начался великий восход солнца коммунизма, которого так долго и в упорной классовой борьбе добивались угнетенные капитализмом рабочие и все трудящиеся массы.

Открытия марксизма в области социологии имели огромное значение как для самой теории, так и для практики жизни. Эти открытия означали освобождение теории от различных идеалистических и вульгаризаторских концепций и ее превращение в точную общественную науку, имеющую огромное методологическое значение для всех других отраслей общественных знаний. Возникшая на базе этих открытий стройная социологическая теория марксизма, исторический материализм (этим названием выражается суть самой теории), дала пролетариям и всем трудящимся поистине могучее идейное оружие в борьбе за освобождение от капиталистической эксплуатации и угнетения, за установление на земле подлинного социального равенства, коммунистического общественного строя.

**О СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, ЕЕ
«ПРИНЦИПИАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ» И «ДОБРОСОВЕСТНЫХ
БИЗНЕСМЕНАХ»**

Делая следующий шаг в своих анализах, функционалисты переходят от «простейшего элемента», «конечной социальной единицы» к элементам более «высокого порядка», получившим у них название «принципиальных элементов». Установление таких элементов Парсонс считает «первой проблемой» социологии.

К названным элементам функционалисты относят: 1) «конкретные ситуации действия», 2) «установленную структуру» и 3) «культурные традиции»¹.

Среди этих трех «принципиальных элементов» «установленная структура»² считается наиболее важной и имеет, по словам Парсонса, такое же значение для понимания функционирования социальной системы, какое имеет анатомия для понимания физиологических процессов в организме. Объясняется это обычно тем, что «установленной структурой» считается у функционалистов не что иное, как совокупность различных «общепринятых» образцов или норм человеческого поведения. Они играют, по словам того же Парсонса, не только «руководящую роль» в жизни людей, в ряде случаев «прямо определяя действия» их, но служат, кроме того, «средствами контроля» за их поведением, заставляя людей выполнять «функциональные требования» социальной системы. «Требования» же эти сводятся к тому, чтобы поддерживать «порядок» всей системы.

Чтобы подчеркнуть важность «установленных образцов взаимодействия» людей, Парсонс называет их также и «скелетом социальной системы», «центральным структуральным элементом» ее.

Под другим принципиальным элементом — «конкретные ситуации действия» — имеются в виду, как показывает само название, различные формы и типы действий, поступков людей. О том, на какие «объекты» (социальные и не социальные) может быть «ориентировано» действие, о «типах действия» в зависимости от целей, от формы и т. п. функционалистами исписаны многие сотни страниц. Парсонс, например, скрупулезно раскладывает действия на «интеллектуальные» (с преобладанием в них познавательных интересов), «выразительные» (с преобладанием в них стремлений к удовлетворению интересов), «моральные» (направленные на оправдание собственных или чужих поступков). В каждом из этих

¹ T. Parsons. Essays in Sociological Theory, p. 276.

² Под словом «установленная» в функционализме подразумевается нечто общепризнанное, а применительно к структуре общества это значит всеми разделяемая, признаваемая, имеющая «всеобщее значение».

«типов» действия он различает множество подтипов, оттенков и т. п., топя в этих бесчисленных дефинициях все жизненно важное для функционирования общества. И ни единого слова о зависимости действий людей от их общественного бытия, ни одного разбора хотя бы какого-либо действительно важного конкретного действия тех или иных общественных классов или социальных групп, их экономического и политического положения, роли в общественной жизни. Если функционалисты и ссылаются на отдельные конкретные действия в целях иллюстрации, то они настолько малозначащие и представляются в таком извращенном свете, что приходится только удивляться тому, какой огромный разрыв существует между претензиями функционалистов на «всеобъемлющую теорию» и бесплодностью их в жизненно важных вопросах.

Третий принципиальный элемент — «культурные традиции» истолковывается функционалистами в смысле духовной культуры вообще, поэтому они включают сюда научные знания, философские идеи, религию, искусство, оценочные суждения, «ориентирующие» человека в его действиях.

Теоретическая модель социальной жизни функционалистов указывает, как мы видим, лишь на духовные процессы, совершающиеся в обществе и вытекающие из них «социальные действия», да и то в такой крайне отвлеченной форме, что по ним можно лишь догадываться, о каком обществе идет речь. Спрашивается: как же может «функционировать» подобная модель, если в ней нет самого остова, действительного скелета общества, т. е. экономических, производственных отношений?

Взаимоотношения между людьми, весь уклад их жизни, их поведение, поступки определяются, учит функционализм, «установленной структурой», которая оказывается совокупностью «установленных образцов» поведения, и как таковые являются частью «культурных традиций», образующихся из различных форм общественного сознания. Вся жизнь общества определяется в конце концов моральными принципами и чувствами — таков итог функционального моделирования социальной жизни.

Функционализм впадает, таким образом, в явный субъективизм, отличающийся от других разновидностей субъективного идеализма (абсолютизирующих роль психологии людей, их интересы, желания, чувства или даже волю, инстинкты) только тем, что он абсолютизирует теперь роль морального фактора. А это, конечно, по существу означает такой же антинаучный подход к обществу, как и у всех других разновидностей субъективного идеализма.

Что же все-таки представляют собой указанные «принципиальные элементы», образующие структуру социальной системы? Остановимся на «конкретных ситуациях действия».

У Парсонса ничего лучшего не нашлось для иллюстрации элемента «конкретные ситуации действия», кроме случая «самоубийства человека прыжком с моста»¹. Поэтому и нам приходится ограничиться этим примером.

«Анализируя» этот случай¹, он указывает, во-первых, на «цель» подобного действия, которая состоит в том, чтобы умереть путем самоутопления. Во-вторых, Парсонс находит здесь «средства» для осуществления данной цели — это «прыжок в воду». В-третьих, «условия», к которым он относит «высоту моста», и, наконец, последнее — «мотивы», приведшие человека к решению покончить с собой таким способом. Это последнее («мотивы»), по словам Парсонса, требует дополнительного выяснения.

Вот то, из чего складывается, по Парсонсу, «конкретная ситуация действия» и в чем, следовательно, должен состоять социологический анализ любых «ситуаций действий». Насколько все это далеко от действительно социологического анализа общественных явлений, свидетельствует уже одно то, что «условия» берутся здесь в чисто физическом смысле («высота моста»), а не в социальном, не в смысле общественных условий, в которых разыгралась эта личная драма человека. В предлагаемом Парсонсом анализе не ставится даже задача выяснения того, насколько типично исследуемое явление, какова связь его с другими явлениями и со всей системой данных общественных отношений. Между тем для социологии важны именно эти вопросы, поскольку освещение их помогает понять не только данное общественное устройство, но и изменения, происходящие в общественной жизни.

Подлинно научная социология добивается выяснения всего этого не ради одной любознательности, а для того, чтобы мы могли установить правильное отношение к рассматриваемому процессу, определить свое место и роль в нем, «с тем, чтобы, — как говорил Ленин, — возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить к ней (т. е. к этому объективному процессу. — М. Б.) свое общественное сознание и сознание передовых классов всех капиталистических стран»².

В конце концов не так уж важно для социологии, как, — прыжком ли с моста в воду или с крыши небоскреба на тротуар, или другим путем — покончил с жизнью парсонсовский человек. А вот факт значительного увеличения самоубийств и психических заболеваний в США, социальная принадлежность таких лиц, социальные причины этого явления — вот что должно было привлечь внимание социолога, если он решил уж проверить правильность своей теории на анализе данной «конкретной ситуации действия».

¹ См. T. Parsons. The Structure of Social Action, pp. 735—736.

² В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 311.

Со следующим «принципиальным элементом» — «установленной структурой» — функционалисты возятся больше всего. Парсонс, как мы говорили, выдает данный элемент за «анатомию», «скелет социальной системы». Что же это за «скелет», состоящий из так называемых «установленных образцов взаимодействия», которые, по заявлениям функционалистов, определяют характер поведения людей, их стремления, цели, идеалы и служат своего рода движущей пружиной всего «механизма» общественной жизни, включая экономику, «деловую жизнь» и политику? Из всего, что написано функционалистами об этих «образцах», выходит, что они являются общими понятиями и представлениями о той роли, которую должны играть различные люди в жизни. Например, для главы семьи, врача, пациента, гражданина, военного, бизнесмена, предпринимателя, рабочего, для «имеющего власть», «подчиненного» и т. п. подбираются официально признанные в обществе, «общеобязательные», морально одобренные роли, функции, нормы поведения, которых должны придерживаться «носители» этих понятий. Поступки человека, придерживающегося предписанного ему «образца поведения», считаются правильными, справедливыми, общественно полезными, отвечающими интересам всего общества. Излюбленной иллюстрацией ко всем этим рассуждениям у Парсонса служит взаимодействие между врачом и больным человеком.

Казалось бы, как можно на таком узком, хотя часто и встречающемся взаимодействии, строить модель целой социальной системы. В том-то и дело, что функционалисты хотят выдать этот пример за типичную форму взаимодействия людей.

Что же увидели функционалисты характерного во взаимодействии врача и больного? Кратко воспроизведем это взаимодействие и роль в нем соответствующих «образцов» поведения, как они представляются Парсонсу.

Образцом поведения для врача является квалифицированная помощь больному, старание вылечить его, а для больного — выполнение предписаний врача. Та и другая стороны должны вести себя так в силу указанных «образцов», правил, норм поведения. Невыполнение той или другой стороной этих правил может кончиться тем, что или врач потеряет клиентуру, или больной останется калекой или вообще умрет.

Естественно, возникают вопросы, из чего же складываются эти правила, «образцы» поведения, чем они определяются, в чем их социальная сущность? По этим вопросам у функционалистов существует множество суждений. Эти «образцы» складываются, по их мнению, из накопленного, прежнего опыта поведения людей, из достигнутых знаний и привычек, они выражают моральные убеждения, в них сказываются психо-

логические мотивы (например, доверие врачу) и даже «скрытые, бессознательные автоматические механизмы» (влечения, чувства, настроения). В общем наговорено по этому вопросу функционалистами очень много, не забыто даже «подсознательное» фрейдизма.

Но, собственно говоря, полный смысл их социологии раскрывается в дальнейших рассуждениях Парсонса относительно того, что же считать в этом взаимодействии за основное, определяющее. Успех, престиж в смысле общественного признания — вот то, пишут функционалисты, чем руководствуется врач в своих «взаимодействиях» с больными. Мерилом же этого признания, успеха, по их мнению, служит в конечном счете увеличение личных доходов врача, которые и являются главной побудительной силой, заставляющей его добиваться выздоровления больного и расширения своей клиентуры.

То же самое наблюдается, по словам Парсонса, и во взаимодействиях бизнесмена со своими «клиентами». Доходы бизнесмена, наращивание им своих капиталов считаются критерием его успеха как делового человека, т. е. чем больше он «законным образом» нагребет себе добра, тем он будет выше подниматься по лестнице почета, престижа, признания. В общем идет ли речь о морали, стремлениях людей к овладению знаниями, приобретению профессии, желаниях заняться общественно-политической деятельностью, искусством, воспитанием молодого поколения, везде и всюду мерилom успеха, «достижений» выступают у функционалистов личное обогащение, интересы наживы.

Таким образом, образцы, нормы поведения людей, выдаваемые функционалистами за общечеловеческие, без которых как «принципиального элемента» немыслима будто бы никакая более или менее упорядоченная форма общественной жизни, на деле оказываются идеологическим кредо отжившего свой век и умирающего капитализма. Об этом же классовом содержании предлагаемых функционалистами образцов поведения свидетельствует и высказывание Парсонса о том, что имеющие «успех», т. е. нажившие себе богатства, «законно» требуют для себя соответствующего «статуса» и в государственных делах.

Парсонс жалуется на то, что в США не всегда выполняется это главное требование функционализма, и вместо бизнесменов, добивающихся «успеха», высокие государственные посты занимают лица, получающие богатства по наследству. Он хотел бы, чтобы больше шансов на такие посты имели «самодельные» бизнесмены, имеющие успехи в личном обогащении. Цели, продолжает Парсонс, у всех в существенном одни и те же, т. е. через «успех», «достижения» к личному богатству, разница лишь в «путях», которыми устремляются люди к этой цели¹. Все это определяется, конечно, не

¹ T. Parsons. Essays in Sociological Theory, pp. 179, 195.

какими-либо капризами, личными интересами людей, а самой социальной системой, в соответствии с которой, по словам Парсонса, не только бизнесмены, но вообще все другие социальные группы ищут лучшие, наиболее эффективные способы выполнения своих функций.

Поскольку так уж устроена социальная система, что «проявлением достижений бизнеса является богатство», то, по мнению Парсонса, пора уже снять с бизнесменов позорные клички «стяжателей» и «эгоистов». Их, как деловых людей, надо якобы благодарить, поскольку, владея капиталами, рудниками и целыми отраслями хозяйства и торговли, они «добросовестно» выполняют свои функции, увеличивают свои богатства, а значит, и богатства всей нации, всей социальной системы, всех людей. Но в этом «значит», произносимом обычно скороговоркой всеми буржуазными идеологами, и заключается вся ложь и лицемерие их «науки». Марксистско-ленинская наука давно уже доказала, что капиталисты свои богатства, полученные в результате эксплуатации рабочих, используют вовсе не в интересах благополучия всех, всей нации, а в интересах дальнейшего личного обогащения.

Поэтому если уж и говорить о функциях американских бизнесменов и прежде всего владельцев империалистических монополий, то они сводятся к ограблению и угнетению народных масс, к обогащению за счет эксплуатации подавляющего большинства людей. Следовательно, те «образцы действия», которые функционалисты рекламируют в качестве образцов человеческого поведения вообще, являются в действительности лишь копией поведения таких именно антинародных элементов американского общества. Грабительская практика американских капиталистов находит, таким образом, свое теоретическое оправдание и обоснование в структурном функционализме.

«ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО» ОБЩЕСТВА И ЧЕГО ОНО ТРЕБУЕТ ОТ ЛЮДЕЙ

До сих пор мы имели дело с высказываниями функционалистов об обществе как системе взаимодействия многих людей. Следующим важным положением они считают свои утверждения о функциональной сущности, функциональном единстве этой системы, в котором якобы заключается «механизм», объединяющий различные виды взаимодействия (в различных группах) в нечто целое, позволяющий рассматривать общество как единый социальный организм.

Социальная система, пишет Парсонс, «покоится на функ-

циональной потребности к порядку»¹. Что касается действий людей, то каждое из них имеет функцию, назначение поддерживать эту систему.

Чтобы придать своим взглядам видимость строгой научности, Парсонс сравнивает идею функционального единства общества с соответствующими идеями в теоретической механике, астрономии, биологии, с функциональным анализом в математике. Парсонс считает, например, что его функциональная система есть разновидность теоретических научных систем вообще, и поэтому социологи, не соглашающиеся с ним, идут против науки. Он ссылается при этом на теоретическую модель солнечной системы, выражающую функциональные отношения между частями ее (планетами и солнцем как центральным телом) и всей системой в целом, на аналогичные функциональные отношения в системах живых организмов, указывающие на то, что функции отдельных органов направлены на поддержание жизнедеятельности организма в целом, имеют, следовательно, целевое назначение. Ссылки функционалистов на подобные аналогии составляют чуть ли не главный аргумент в их рассуждениях о функциональной природе социальной жизни.

Аналогии, говорящие о внешнем сходстве тех или иных процессов, хотя и могут представлять некоторый интерес, но их нельзя, конечно, считать аргументами в науке. Какие бы сходства не имела социальная система с другими системами живой и неживой природы, наука требует установления, во-первых, исторических условий возникновения ее и, во-вторых, раскрытия специфических законов, управляющих ею. Ничего подобного в функционализме нет. Рассуждениями о социальной жизни, как о функциональной системе наравне с другими системами природы, они лишь хотят облечь свои взгляды в наукообразную форму и протащить в социологию по существу нечто совершенно несовместимое с наукой.

Приведем для ясности одну иллюстрацию, на которую обычно ссылаются и сами функционалисты. Речь идет о социальной функции религии.

Функция религии, как «социального механизма», говорил Мертон на IV Всемирном социологическом конгрессе (Италия, 1959 год), состоит в «подкреплении общественного мнения», что содействует социальной интеграции, т. е. сплочению, объединению различных социальных групп и в конечном счете «устойчивости» социальной системы.

Таким образом, согласно взглядам функционалистов, религия есть необходимый «элемент» социальной системы и функция ее состоит в поддержке и укреплении этой системы.

¹ T. Parsons. E. Shils, *Toward a General Theory of Action*, USA, 1951, p. 173.

Если принять во внимание, что свою социальную систему функционалисты считают моделью общественной жизни вообще, то религия оказывается необходимым, постоянным препятствием всякого общества, а ослабление религиозных предрассудков или полное преодоление их чреваты «дезинтеграцией» общества, подрывом основ всякой социальной жизни.

Но подобного рода рассуждения не имеют ничего общего с фактами. Они рассчитаны главным образом на увековечение религии. Функционалисты не хсят считаться с тем очевидным фактом, что религиозные убеждения появились лишь на определенной ступени исторического развития человечества, как фантастическое отражение условий их жизни, и выражали бессилие первобытных людей перед грозными силами природы. В дальнейшем, с разделением общества на эксплуататоров и эксплуатируемых, религия превращается в орудие духовного порабощения масс. Поэтому преодоление религии, как антинаучного мировоззрения, «дезорганизует» и подрывает основы не любого общества, а общества, построенного на классовом угнетении. С ликвидацией господства эксплуататорских классов, поддерживающих религию и заинтересованных в распространении религиозных предрассудков, в результате коренного улучшения материального положения народных масс и приобщения их к передовой культуре, науке, просвещению, религиозные предрассудки исчезают, исчезает и необходимость в их «социальной функции» как орудия духовного закабаления масс.

Коль скоро функция религии состоит в том, чтобы содействовать «устойчивости» общества, то задача социолога заключается в том, чтобы раскрывать действительно социальные, объективные корни религии, как антинаучного мировоззрения, выяснять, при каких исторических условиях она возникает и какое именно общество, какие общественные порядки поддерживаются религией. Но такого конкретного рассмотрения религии не найти у функционалистов.

Разве не смехотворно звучит после всего, что сказал Мертон о функции религии, его заявление о том, что подход к религии у функционализма и марксизма «не отличается серьезно по своей аналитической структуре». Чтобы марксизм полностью совпал с функционализмом, достаточно лишь, говорит Мертон, марксистскую «метафору» о религии, как опия для народа, обратить в «нейтральное утверждение приписываемых последствий», т. е. сказать, что религия выполняет социальную функцию «интеграции» социальной системы, но скрыть, во имя чего проводится такая «интеграция», какую социальную систему поддерживает и освящает религия.

Но марксистское положение о религии, как опиуме для народа, это не простая «метафора», от которой можно легко

отделаться, как думают функционалисты, а «краеугольный камень всего мирозерцания марксизма в вопросе о религии»¹. И в «обращении» этого изречения Маркса во всякого рода «нейтральные утверждения» заинтересованы лишь те, кому выгодна религия, кто все еще надеется и дальше строить свою жизнь, свое благополучие на эксплуатации народа.

Этот пример с религией ярко показывает, во что превращается функционализм, когда представители его от общих фраз о функциональном единстве социальной системы переходят к «анализу» тех или иных явлений социальной жизни.

Но на этом примере видно также и то, как марксизм подходит к вопросу о функциях тех или иных общественных явлений. Вместо абстрактных рассуждений марксизм всегда проводит конкретно-исторический анализ этих функций, требуя, чтобы точно указывалось, о каком общественном строе идет речь, какие общественные отношения поддерживаются данным явлением, действиями данных классов, социальных групп.

Когда К. Маркс писал в своем «Капитале», что «все поведение капиталиста есть лишь функция капитала»², то он тем самым ясно показал, как именно надо подходить к вопросу о функциях социальных явлений. Понятию социальной функции придан здесь строго научный смысл, означающий зависимость социального поведения людей, как и их сознания, от общественного бытия. Эти слова К. Маркса вытекают из всего существа материалистической теории, служат примером применения ее к объяснению одного данного типа поведения людей и в то же время указывают, где, в чем искать корни, объективные условия и причины всех других типов поведения, поступков и действий.

Социология же, претендующая на изучение социального действия, как это свойственно функционализму, и игнорирующая это основное требование, является лишь карикатурой на науку, насмешкой над ней.

А вот какой замечательный образец глубокого марксистского анализа социальных функций эксплуататоров и их наемных слуг оставил нам В. И. Ленин. «Все и всякие угнетающие классы, — писал Ленин, — нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных. Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отважи-

¹ В. И. Ленин Соч., т. 15, стр. 371.

² К. Маркс, Капитал. М., Госполитиздат, 1949, т. 1, стр. 597.

вать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость»¹.

Чтобы показать, какая непроходимая пропасть лежит между абстрактно-софистическими определениями функционалистов понятий социальных функций, целей социальных действий, взаимодействий и т. п. и марксистским, последовательно научным рассмотрением их, сошлемся хотя бы еще на один образец марксистского анализа. Перед нами книга выдающегося марксиста-ленинца У. З. Фостера «Закат мирового капитализма». «...Америка,—говорится в ней,—является фактической собственностью маленькой кучки крупных капиталистов и управляется прежде всего в их интересах. Эти капиталисты не выполняют никаких общественно полезных функций; однако они не только владеют промышленностью, но и держат под своим контролем правительство и почти все остальные важные учреждения, эксплуатируя их в своих собственных интересах. ...Эти капиталисты организуются в огромные, невиданные в истории монополии. Производство ведется не для блага общества, а прежде всего ради прибылей этих капиталистических паразитов»².

Как уже было отмечено, функционалисты пользуются понятием функции не только в его биологическом, но и в математическом значении, с тем чтобы подорвать материалистическое понимание закона причинности в общественном развитии. В математике, как известно, под функциональными отношениями понимается определенная форма зависимости между различными величинами, из которых одни берутся за «аргумент» или относительно постоянные, другие — за «переменные» или зависимые величины. Характер, постоянство или степень этой зависимости выражаются обычно в соответствующих математических формулах. Что же хотят доказать функционалисты своими ссылками на термины математики?

Общественные явления, как утверждает Парсонс, выражаясь математическим языком, представляют собой «переменные величины», находящиеся в функциональной зависимости друг от друга. Такими «переменными величинами» Парсонс называет буквально все явления общественной жизни. К ним он относит цели, которые ставит перед собой человек, вступая во взаимодействия с другими людьми, «средства», используемые им для достижения этих целей, занимаемое общественное положение и «роль», выполняемую им, например, в политической сфере или в качестве специалиста, бизнесмена, предпринимателя и т. п. Каждый из этих «элементов» или «переменных величин» может в одних случаях

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 206.

² У. З. Фостер. Закат мирового капитализма. М., Изд-во иностранной литературы, 1951, стр. 62—63.

выступать в качестве «аргумента» (т. е. относительно постоянной величины, в зависимости от которой ставятся другие величины), а в других случаях зависимой переменной. Иначе говоря, в общественной жизни нет главенствующих причин, решающих процессов, а все перемешано и постоянно меняется местами, а, следовательно, объективные, материальные отношения людей могут оказаться «зависимыми переменными» от идеальных, моральных и даже религиозных отношений. Вот как выглядит это в изложении Парсонса: «Среди основных компонентов системы действия нет причинного первенства какого-либо фактора изменения. Изменение может идти от любого источника системы. Результат зависит от баланса сил системы в некоторое время»¹.

В этом же смысле высказываются и другие функционалисты. Так, М. Леви предупреждает против «приписывания исключительного значения» какому-либо фактору или элементу социальной системы², а Р. Мертон, окончательно запутавшись в этих «факторах», призывает продолжать вообще поиски «источников, сил, вызывающих различные типы изменений»³. Но это же признание полного краха собственной теории. Если у социальной системы нет объективной основы, нет «первенствующего фактора» изменений и вообще еще надо искать силы, вызывающие эти изменения, то что же это за «система»? Как она может помочь нам что-нибудь понять в самой реальной общественной жизни?

Таковы плачевные результаты, к которым приводят функционалистов попытки найти среднюю линию между материалистическим и идеалистическим объяснением общественного развития. По существу же их средняя линия оказывается целиком идеалистической, ибо она вполне допускает, чтобы за «аргумент» брали субъективное и идеальное, цели и стремления людей. Это значит, что если вам «угодно» и «привычно» брать за исходное, за «аргумент», положим, религиозное убеждение людей, то вы можете построить на этой основе вполне «логичную» функциональную систему, удовлетворяющую «религиозные запросы» некоторых социальных групп.

Вот каков объективный смысл теоретических упражнений функционалистов. Рассуждения же о господстве принципа функциональной зависимости в социальной жизни и о возможности выражения ее в математически точных формулах служат лишь прикрытием их крайне субъективных взглядов на общественные явления. Как не вспомнить в этой связи

¹ T. Parsons. E. A. Shils, *Toward a General Theory of Action*, p. 173.

² M. G. Levy *The Structure of Society*, N. Y. 1952, p. 38

³ R. Merton. *Social Theory and Social Structure*, USA, 1957, pp. 39—40. 102.

острую критику Лениным махистов за их идеалистические манипуляции математическими понятиями о переменных величинах, функциональном соотношении явлений, которые прodelываются теперь и американскими функционалистами.

Ленин очень ясно показал, что противоположность между материализмом и идеализмом состоит не в вопросе о том, какой степени точности достигли наши описания причинных связей и могут ли они быть выражены в точной математической формуле, а в том, отражают ли наши научные понятия о порядке, необходимости, закономерности объективные связи, господствующие в природе, или же они являются лишь свойствами нашего ума, связями наших мыслей. Ленинская критика функционализма в философии, отрицающего объективное содержание наших знаний, объективный источник их, полностью относится и к функционализму в социологии.

Функционализм избавляет якобы социологию от «устаревших» и «неточных» понятий общественного бытия, общественного сознания и ставит на их место более «точные» понятия о действии вообще, об элементах этого действия и функциональном соотношении их. На самом же деле, разделяя общественные явления на «установленные образцы социального действия», обозначающие моральные нормы поведения людей, и «конкретные социальные действия», т. е. реальные процессы жизни, фактические отношения между людьми, ставя вторые «элементы» структуры общества в зависимость от первых, функционалисты превращают тем самым моральные нормы, общественные идеи в «главенствующий», решающий фактор жизни. Это, конечно же, формально не противоречит математическому принципу функциональной зависимости явления, для которого не имеет значения, что берется за «аргумент» и что за зависимую переменную величину, лишь бы действительно существовал факт подобной формы зависимости величин, математических символов, объектов. Вот эти математические понятия и используются функционалистами для протаскивания своих антинаучных, субъективно-идеалистических воззрений о зависимости реальной жизни, общественного бытия от общественного сознания, от моральных норм.

В ЧЕМ КОРНИ СОЦИАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ В АМЕРИКАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ (О «ДИСФУНКЦИЯХ» И «ДЕЗИНТЕГРАЦИИ»)

Социальная система функционалистов, как мы видели, представляет собой крайне абстрактную схему структуры общества. Однако, строя ее, они, естественно, не могли пройти и мимо реальных явлений современной жизни. Образцы таких явлений давала им сама американская действи-

тельность со всеми ее классовыми и иными социальными противоречиями и конфликтами. Все дело было лишь в том, с позиций каких общественных классов подойти и понять эти противоречия, типы и методы разрешения их.

Подобно многим другим буржуазным социологам функционалисты находят современное им общество «во многих отношениях далеким от совершенной интеграции» и чреватым «дезинтеграцией». Например, Парсонс с некоторой горечью признает, что значительная часть населения американского общества «чувствует неуверенность», а самому обществу присущи «напряженность и неустойчивость», которые могут привести к «динамическим изменениям», возможно даже к замене данной системы другой, особенно если возникнут «восстания», угрожающие основам общества¹.

Казалось бы, что после таких важных признаний можно было бы ожидать более детального изучения этих процессов в современном капиталистическом мире или, по крайней мере, ссылки на факты, конкретные проявления «напряженности» и «неустойчивости», на причины, вызвавшие их, и т. д. Однако обо всем этом функционалисты молчат, в их работах нет и намека на действительно серьезный анализ этих явлений. Так, Парсонс, ограничивает свою задачу тем, что сваливает всю вину за «напряженность» в американском обществе на «неустойчивые отношения» между «установленными структурами в сфере занятости... профессий» и т. п., т. е., по сути дела, уходит от конкретного разбора как самой «напряженности», так и причин ее. Его больше всего интересует, как предотвратить углубление напряженности, обострение социальных конфликтов, как спасти «американский образ жизни» от развала и краха. Но поскольку он не вскрывает подлинные источники «напряженности», то не может предложить ничего конкретного и для «оздоровления» американского общества.

Этим объясняется некоторая неудовлетворенность теорией Парсонса даже среди его сторонников и последователей. Особенно это характерно для Р. Мертона, считающего, что проблема социальных противоречий, напряженности является ключевой проблемой социологии, без разрешения которой нельзя установить правильного соотношения между статикой и динамикой социальной жизни. В связи с этим Мертон усиленно призывает социологов к разработке «процедур», которые позволят более адекватно измерить «накопление напряжений» в социальной системе и, таким образом, «предвидеть наиболее вероятные направления социальных изменений».

¹ T. Parsons. *Essays in Sociological Theory*, pp. 215, 199. T. Parsons. E. Shils, *Toward a General Theory of Action*, p. 179, 197.

Призыв этот, однако, остался гласом вопиющего в пустыне, ибо ровным счетом ничего не предпринято в этом направлении ни одним из функционалистов. Правда, в отличие от Парсонса, остановившегося в недоумении перед фактами социальных противоречий и неустойчивости американского общества и ничего лучшего не придумавшего, как считать их «незаконными», «недопустимыми» отклонениями от общепринятой структуры общества, Мертон допускает, что по крайней мере некоторые из них можно рассматривать как «новые образцы» поведения¹ в дополнение к «установленным», т. е. в данном случае одобряемым господствующей буржуазной идеологией. Он признает, что социальной структуре свойственно не только сдерживать некоторые действия людей, но и «творить» новые. Поэтому вместо огульного осуждения любых отклонений от «общепринятых» норм и образцов поведения Мертон призывает к изучению «структурных источников» этих отклонений. Но почему же и у Мертона такая абстрактность при рассмотрении этих вопросов, почему он не решается назвать хотя бы одно социальное явление, свидетельствующее, что «структура» действительно способна «творить» новое, вызывать к жизни наперекор всем «установленным образцам» новые «образцы» общественных отношений? Сам Мертон, таким образом, не рискнул пойти дальше лишь некоторых общих рассуждений и пожеланий в этой области.

Пока же Мертон и его сподвижники по функционализму дискутируют вопросы о «законности» или «незаконности» отклонений от «установленных» ими образцов социальной жизни, эта жизнь ушла далеко вперед. Основное содержание современной эпохи, как указывает Программа КПСС, составляет переход от капитализма к социализму. Таков объективный закон общественного развития, и никакие силы империализма не в состоянии изменить его.

В высказываниях некоторых функционалистов чувствуется явное раздражение, нервозность, когда им приходится определять свое отношение к тому, что называется у них дисфункциональным в современном капиталистическом мире. Например, функционалист М. Леви говорит о таких действиях и явлениях, как «дезорганизующих общество», «разрушающих» его, и требует применения против них решительных мер. Но и Леви не осмелился, однако, назвать вслух ни одно социальное действие, которое он относит к разряду «разрушительных». Ему настолько пришлось по душе «функционально организованное» американское общество, что он требует если

¹ Мертон, однако, не указывает, какие именно «незаконные» явления в общественной жизни США можно было бы считать за «новые образцы» поведения людей.

уж невозможно полностью уничтожить «дисфункциональные аспекты человеческого поведения», то добиться хотя бы того, чтобы они «не превышали функциональные».

Прежние безоговорочные осуждения «отклонений» от «установленных норм» потерпели полный крах, и функционалисты ищут теперь спасение капиталистическому общественному строю в «динамическом равновесии», т. е. в допущении различного рода мелких социальных изменений при сохранении в неприкосновенности устоев капиталистической общественной системы. Сам Парсонс ныне допускает, хотя и в качестве «парадокса», некоторые компромиссы и приспособления «между установленной структурой» («ценностями») и отклонениями от нее. Иначе, предупреждает он, могут возникнуть серьезные конфликты и различного рода восстания. Это «динамическое равновесие» должно поддерживаться, по словам Парсонса, «широким рядом приспособляющихся механизмов»¹, т. е. различных буржуазных общественных организаций и государственных органов. Функционалисты и призывают эти органы «приспосабливаться» к социальным изменениям во избежание перерастания их в более серьезные конфликты. Но теперь уже каждому должно быть очевидно, что все эти «механизмы» не в состоянии помочь капитализму долго сохранять свое господство.

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В США И ЕЕ МНИМЫХ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЯХ

В подходе функционализма к политическим вопросам, политическому устройству общества еще более рельефно выявляется его классовая сущность как буржуазного социологического учения. Это и понятно, ибо, рассматривая функции политической власти, функционалисты не могли не остановиться на некоторых важных вопросах политического устройства капиталистического общества и не извратить их.

Первое, что бросается в глаза в описаниях функционалистов, это идеализация буржуазного государства. Буржуазное государство из орудия эксплуатации трудящихся превращается, в их толковании, в «руководство» вообще, в «ответственность», которая возлагается одними на других в интересах поддержания «порядка» в обществе, обеспечения функционирования социальной системы. Например, Парсонс подчеркивает, что не будь «установленных образцов» политических

¹ T. Parsons. E. Shils, Toward a General Theory of Action, p. 175.

взаимодействий между людьми с «положительно интегрированными функциями», закрепленных в соответствующих законоположениях государства, социальная система неминуемо была бы разрушена той массой противоречий и конфликтов, которые свойственны современной общественной жизни. Парсонс, конечно, как всегда, не уточняет, какую же из противоречивых, конфликтующих сторон жизни государство поддерживает, поощряет и какую подавляет, угнетает. Он хотел бы, чтобы ему поверили, что государство «нейтрально» к той и другой стороне и руководствуется лишь интересами поддержания порядка вообще.

Парсонс больше всех функционалистов печется над тем, чтобы приписать буржуазному государству «положительно интегрированную функцию».

Правда, у Парсонса можно найти вынужденные высказывания и о том, что сама область политики чревата острыми столкновениями, борьбой между различными социальными группами за «руководство» обществом, за власть, что особенно проявляется, как пишет он, «в нашем демократическом обществе». Под этими «группами» он имеет в виду различные группы буржуазии США, борющиеся за власть с тем, чтобы поставить руководящие политические учреждения на службу своим частным интересам («интересам частных групп»). На этом, собственно, и заканчивается рассмотрение Парсонсом вопросов борьбы за власть.

Но вот власть оказалась в руках той или иной группы буржуазии, в чем же тогда ее «функция», социальное назначение? Казалось бы, Парсонс должен дальше конкретизировать свою мысль о политической власти как орудии «частных интересов». Но не тут-то было. Свою задачу функционалисты видят как раз в обратном — в том, чтобы всячески затушевать классовую эксплуататорскую сущность буржуазного государства. Именно к этому сводятся абстрактные рассуждения Парсонса о том, что это государство выполняет функцию «контроля», без которой немыслима будто бы ни одна социальная система. Но кого, какие социальные действия оно берет под свой «контроль», об этом Парсонс дипломатично умалчивает. К затушевыванию классовой сущности буржуазного государства относятся и его рассуждения о конституционных средствах, которые якобы «сдерживают находящихся у власти от слишком большого использования ее в частных интересах или для поддержки этих интересов незаконным путем урезывания конституционных свобод своих конкурентов»¹.

Что касается Мертон, то он считает, что политическая власть служит как интересам монополий, магнатам капитала

¹ I. Parsons Essays in Sociological Theory, pp. 299—300.

и бизнеса, так и заботится о «нуждающихся» американцах. В описании Мертонa представители власти и всякие политические боссы заняты только тем, что дают «добрые советы» нуждающимся, помогают безработным подыскивать работу, подкармливают голодающих, оказывают помощь «способному бедному ребенку», чтобы он мог учиться в колледже, и т. п. Если верить Мертону, то в американском обществе нет лучших друзей у народа, чем политические боссы.

В то же время, как признает это Мертон, политическая машина США обеспечивает корпорациям, т. е. империалистическим монополиям, такие привилегии, которые приносят им непосредственную экономическую выгоду. Но монополисты, по словам Мертонa, добиваются большего: они стремятся к такому «политическому распределению», которое приближало бы их к цели получения максимальных прибылей. В этом Мертон, конечно, прав, хотя он мог бы добавить, что монополистический капитал, господствующий в экономике США, не только стремится к этой цели, но с помощью политической машины достигает ее.

Кроме указанных двух «явных функций», политическая машина США выполняет, по словам Мертонa, также и «неявную», скрытую функцию содействия, помощи «незаконному бизнесу»¹, т. е., попросту говоря, всякого рода жульническим махинациям и прямому мошенничеству тех, кто не имеет другого пути к «достижению культурно-одобряемых целей», к которым Мертон относит доллары, личное обогащение.

Мертон пишет, что «принятие функционального мировоззрения не значит быть апологетом политической машины» США. На самом же деле то, что выдает Мертон за беспристрастный, объективный «анализ», является обычной для буржуазной идеологии попыткой затушевать сущность буржуазного государства. Разве не об этом говорят его вымыслы насчет заботы политической власти США об интересах простых американцев?

И хотя Мертон больше других функционалистов подчеркивает, что политическая власть в США служит интересам монополистического капитала, но и он преподносит все это так, как будто бы она тем самым содействует лишь «общепринятым» в США «культурно-одобряемым», «законным» целям личного обогащения, приобретения долларов.

Но ведь средства для жизни различные классы и социальные группы добывают различными путями. Одни своим личным трудом, другие за счет эксплуатации других людей. У одних хватает их лишь на скудную жизнь, в руках других миллионы и миллиарды долларов. Куда же девалась у «бес-

¹ R. Merton. Social Theory and Social Structure, pp. 78—79.

пристрастного исследователя» эксплуататорская сущность монополий и их власти в США? Почему он молчит о том, как эта власть угнетает народ, подавляет малейшее сопротивление его гнету эксплуататоров? Почему он ничего не говорит о том, откуда у этих «законных» бизнесменов, у кучки монополистов такие несметные богатства, а миллионы людей труда, из поколения в поколение гнущих спину на их заводах и фабриках, испытывают постоянную нужду в самом необходимом для жизни?

И вот социология, скрывающая все эти самоочевидные факты «американского образа жизни» и рисующая его в розовых красках, требует, чтобы ее не считали апологетической!

Мертон пишет, что функционализм — не апологетическая теория. Как же поступит он в этом случае с Леви, который, как пишут в Америке, «удачно» соединил воедино мысли Парсонса и Мертона и который высказывает часто то, что стесняются прямо сказать Парсонс и Мертон? Разве не Леви принадлежат откровенные призывы к тому, чтобы в целях спасения капиталистической Америки «контролирующую» функцию политической власти, о которой говорит Парсонс, дополнить функцией «обуздания» тех, кто против этой власти, против господства монополий? Функциональное раболепство Леви перед властью имущими доходит до того, что он уже прямо расхваливает перед ними «чрезвычайную эффективность использования насилия» для целей подавления «незаконных» действий, направленных на «разрушение» социальной системы¹.

Раз есть у вас власть, как бы обращается он к монополистам, то нечего церемониться со средствами, «обуздайте» силой всех тех, кто выходит из повиновения, кто уклоняется от предписанных им «образцов взаимодействия». Этот каннибальский призыв достаточно ясно показывает, кому, какому общественному классу призван служить функционализм, какой общественный строй он пытается защитить.

Получив в структурном функционализме свое оправдание, капиталистический бизнес тем не менее остается неудовлетворенным. Он хотел бы, чтобы его считали вообще не капиталистическим, а «демократическим», «народным», «коллективистским». И это понятно. Народы ныне так повзрослели, что теперь уже не безопасно выставлять напоказ свои баснословные богатства, полезнее «прибедниться», чтобы не разжигать у трудящихся излишних страстей и волнений.

Исполнителей этого заказа нашлось в США сколько угодно, и, конечно, среди них оказались и довольно искусные мастера. Не будем утверждать, что функционалисты явля-

¹ М. G Levy. The Structure of Society, p 468.

ются среди них лучшими, но тем не менее они также вносят своей «личный вклад» в это общее для всех буржуазных идеологов предприятие. В частности, немало изощренности проявил в этом деле Парсонс. Ярким примером этого является его новая книга «Структура и социальные процессы в современном обществе».

О «КОЛЛЕКТИВИСТСКОЙ СТРУКТУРЕ» ЭКОНОМИКИ США, ИЛИ О ТОМ, КАК КАПИТАЛИЗМ ПРИУКРАШАЮТ ПОД СОЦИАЛИЗМ

Неуклонно растущая мощь мировой социалистической системы, влияние социализма на умы современников, его огромная притягательная сила заставляют Парсонса перекрашивать фасад капитализма под социализм, а заодно подгонять социализм под капитализм, чтобы он не слишком отличался от последнего.

Рассматривая экономические основы современного капитализма и социализма, Парсонс пишет, что принципиальные различия между «частным способом построения структуры экономики капитализма и «общественным способом», присущим социализму, на которые указывал марксизм, являются в наше время уже «второстепенными». Произошло это потому, пишет далее Парсонс, что капитализм в «старом» марксистском понимании как общественный строй, основанный на частной собственности на средства производства и эксплуатации чужого труда, преобразился в США в некую «коллективистскую структуру» индустриального типа.

В экономике современного капитализма, убеждает своих читателей Парсонс, преобладает ныне коллективная форма собственности. Бывшие владельцы собственности — капиталисты не принимают теперь непосредственного участия в «управлении» ею, как и в производстве вообще. Они имеют в своем личном распоряжении «лишь» акции, а не самую «собственность». Таким образом, в экономике США произошло, по мнению функционалиста, нечто вроде социалистического переворота, превращение частной капиталистической собственности в «коллективную», иначе говоря, — в акционерный капитал. Соответственно, по его мнению, изменилась будто и природа политической власти, которая отныне «организует общество в единое целое в интересах коллективных целей»¹.

После всего этого даже у малоискушенного в социологических вопросах читателя может возникнуть вопрос: если дейст-

¹ T. Parsons, Structure and Process in Modern Societies, USA, 1960, p. 149.

вительно так поразительно сходны общественные системы США и СССР, то почему же тогда в США такой разгул злопыхательства против социалистических стран, гонения и преследования американской коммунистической партии и вообще против всех, кто симпатизирует социализму? Но Парсонс, естественно, не решается разбирать эти вопросы.

Затем Т. Парсонс переходит к вопросу о различиях между капитализмом и социализмом. О ликвидации в СССР отношений эксплуатации человека человеком Парсонс, конечно, «забывает» упомянуть. «Остаток» этих различий он усматривает главным образом лишь в «системе контроля» за экономическим развитием. В Советском Союзе, по его словам, этот контроль осуществляется «сверху» политической властью, а в США — «снизу», «автоматически», «через механизм рынка». Пытаясь объяснить и происхождение этих «различий», Парсонс прибегает к старой версии (кстати сказать, уже изрядно набившей оскомину даже буржуазным экономистам) о том, что советский тип контроля вызван якобы слабым уровнем развития индустриальной экономики. Поэтому, пишет он, призывы к социализму и находят благодатную почву в экономически слаборазвитых районах мира.

Возникает вопрос: для чего же понадобились Парсонсу все эти сопоставления советского и американского типов контроля за экономикой? Оказывается, они ему нужны лишь для того, чтобы снова повторить избитые измышления буржуазных экономистов о недолговечности социалистической формы хозяйства в СССР. Когда Советский Союз, по мнению функционалиста, достигнет высокого уровня индустриального развития, он обязательно якобы вернется к американскому типу контроля, т. е. к капиталистической форме хозяйства. Сколько всяких надуманных «предсказаний» и ни малейшего сколько-нибудь серьезного разбора хотя бы одного общественного процесса современной жизни!

Действительно, сводя все различия между капитализмом и социализмом к различию в системе контроля за экономическим развитием, Парсонс старается лишь подальше упрятать коренную противоположность между капитализмом, как эксплуататорским общественным строем, и социализмом, как обществом, покончившим с этой эксплуатацией. Этими же соображениями, очевидно, руководствуется Парсонс, утверждая чуть ли не полное тождество между социалистическим коллективизмом и «коллективизмом» империалистических монополий, между социалистической собственностью на средства производства и акционерной формой капиталистической собственности, которой «коллективно» владеют те же капиталисты, используя ее как средство эксплуатации трудящихся, как средство личной наживы.

А чего стоит «открытие» Парсонсом того, что как в США, так и в СССР «средний рабочий» экспроприрован от собственности на средства производства. Используя факт ликвидации вообще частной собственности в Советском Союзе, Парсонс пытается доказать, что как американские пролетарии, не имеющие материальных средств производства, так и советские рабочие находятся в одинаковом положении. Но ведь хорошо известно, что советские рабочие — не пролетарии, а хозяева своей страны, что в Советском Союзе средства производства обобществлены и служат целям подъема благосостояния всего народа.

Следует отметить, что Парсонс в этих вопросах выглядит уже устаревшим социологом. Другие буржуазные социологи и экономисты говорят теперь больше о том, что в капиталистическом мире происходит процесс «депролетаризации пролетариата», превращение его в «совладельца» акционерного капитала, в «равного» с другими акционерами участника в «коллективном» управлении производством и в дележе прибылей, а не об экспроприации «средних рабочих». Другими словами, эти буржуазные идеологи хотят представить дело так, что пролетариата, как класса, лишено средств производства, эксплуатируемого капиталистами, уже не стало в капиталистическом обществе. Смысл таких рассуждений вполне ясен, он состоит в том, чтобы перекрасить фасад капиталистического общества под «народный строй». Примирить трудящихся с эксплуататорским режимом капитализма, сломить их волю к борьбе с этим режимом, приостановить все более усиливающуюся тягу народов к действительно социалистической форме жизни — таковы в конечном счете тенденции и замыслы буржуазных идеологов, независимо от того, называют ли они себя функционалистами или каким-нибудь другим вычурным именем.

Как же фактически обстоит дело с системой контроля за экономическим развитием в условиях капитализма? Считая, что экономика современного капитализма контролируется и направляется только «снизу», одним «механизмом рынка», Парсонс прежде всего явно не хочет замечать широкого развития в буржуазных странах государственно-монополистического капитализма. Разве это не есть политический контроль за развитием экономики, своеобразная попытка регулирования ее?

Буржуазное государство, проводя различного рода регулирующие мероприятия в области экономики, делает это в интересах монополистических объединений. «Государственно-монополистический капитализм, — говорится в Программе КПСС, — соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм в целях обогащения монополий, подавления рабочего движения и национально-освободительной борьбы,

спасения капиталистического строя, развязывания агрессивных войн»¹.

Преследуя эти антинародные цели, буржуазное государство оказывается в то же время бессильным установить плановое развитие капиталистической экономики в масштабе общества. Конкуренция и анархия производства не только остаются при государственно-монополистическом капитализме, но еще более усиливаются, а экономические кризисы все чаще потрясают капиталистический мир и становятся все более острыми. И это вовсе не потому, что в капиталистическом мире нет хороших инженеров-плановиков или не развита техника планирования, а в силу самой природы капиталистического хозяйствования, в силу того, что оно основано на капиталистической собственности на средства производства и контролируется прежде всего владельцами этой собственности.

Парсонсу очень хотелось бы создать впечатление, что развитие экономики в США «контролирует» народ через «механизмы рынка», выступая в качестве покупателя. Но ведь факты говорят о другом. Вот почему Парсонс, сказав о контроле «снизу», «механизмами рынка», не берется уточнять эти понятия. Он как ученый обязан был бы указать на американских империалистов, господствующих в экономике США и готовых содрать три шкуры с народа, но тогда в официальной Америке его перестали бы превозносить в качестве выдающегося социолога.

«ГРЕМЯЩИЙ ПУСТОЙ БОЧОНОК» И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

К ак уже отмечалось, функционалисты пытаются выдать свои воззрения за «чистую» беспартийную науку, занимающую нейтральную позицию в идеологической борьбе между капитализмом и социализмом, между силами реакции и прогресса. Поэтому функционализм, утверждают его представители, может быть «соединен с любыми идеологическими ценностями» и использован любыми противоположными общественными силами в своих интересах. Желая подчеркнуть эту особенность функциональной социологии, Мертон пишет, что она «подобна тем теориям или инструментам физики, которые индифферентны к их использованию противоположными группами для целей часто ненаучных»².

В связи с подобными заявлениями функционалистов сре-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза М, Госполитиздат, 1961, стр. 26—27.

² R. Merton Social Theory and Social Structure, p. 42.

для буржуазных социологов происходят подчас жаркие споры о том, каков же на самом деле функционализм — «консервативен», или «радикально-прогрессивен», или он вообще стоит выше всех этих понятий.

Даже среди самих функционалистов на этой почве возникло нечто вроде разногласий. Мертон, например, пытается как-то подновить учение Парсонса о «функциональном единстве» социальной системы, которое, по его словам, приводит к консерватизму и оправданию существующего общественного строя США, к отрицанию социального прогресса вообще.

Действительно, Парсонс, как мы уже отмечали, истолковывает это единство в том смысле, что функция (назначение) всех общественных явлений (по его терминологии «социальных действий»), а также экономических, политических и культурных «институтов» состоит в том, чтобы поддерживать существование социальной системы. Поэтому они оказываются всегда необходимыми. Все же, что «нефункционально», Парсонс относит к патологическим, аномальным явлениям, разрушающим социальную систему, т. е. общество вообще. Но это «общество вообще» постоянно, и не только Парсонсом, но и другими функционалистами отождествляется с общественным строем США. В результате у Парсонса получается, что без «американского образа жизни», без буржуазного государства, капиталистического бизнеса, без буржуазии и пролетариата вообще невозможно существование социальной системы, общественной жизни. Таковы те плоские, буржуазно ограниченные выводы, к которым приводит функционализм. Поэтому понятны все чаще появляющиеся в США критические высказывания о функционализме со стороны прогрессивно настроенных буржуазных социологов.

Какой же выход из этого реакционного тупика предлагает Мертон, ближайший сторонник и продолжатель взглядов Парсонса? Мертон предлагает отказаться от «универсального», «всеобщего» функционального единства и заменить его принципом «функциональных предпосылок», лишь временно допускающих, что социальные явления функциональны, полезны и нужны. Другими словами говоря, временно, в качестве предположения, допускается, что социальная система не может обходиться без капиталистического бизнеса и вытекающих из него социальных действий:

«Функциональные предпосылки» требуют, по мнению Мертона, дальнейших исследований того, насколько они соответствуют «культурно-одобренным» целям и моральным нормам поведения, и только после этого можно уже судить, носят ли они функциональный, нефункциональный или дисфункциональный характер. Все эти усложненные зигзаги в рассуждениях Мертона не меняют, однако, реакционной сущности функционализма, ибо функциональным, полезным и

нужным для общества всегда окажется для буржуазных социологов то, что считает таковым господствующая буржуазная культура и мораль.

Все эти «преобразования» функционализма, по заявлениям его представителей, означали дальнейшую «формализацию» его положений. Теперь функционализм рекомендуют как учение, занимающееся «анализами» исключительно формальной стороны структуры и функций социальной системы и совершенно безразличное к тому, вокруг каких «ценностей» происходит интеграция социальной жизни.

Например, Мертон пишет, что для функционализма безразлично, происходит ли интеграция вокруг религии как «средства послушания подчиненных групп», или вокруг «норм откройтой мобильности», или вокруг такой организации групп, которая позволяет обеспечивать «самовыражение среды временно низших страт» и т. п.

Но коль скоро у социологии отпадает задача разбора «ценностей», вокруг которых происходит интеграция общества, и социальных последствий того или иного типа интеграции (в данном случае господствующего типа социальных отношений, общественного строя), то социология действительно превращается в пустой бочонок, в который, по выражению Мертона, «можно влить любое идеологическое содержание». Именно таким «пустым бочонком» просит Мертон считать функционализм, после того как он внес в него указанные поправки и дополнения. По Мертону, теперь функционализм «одинаково хорошо может служить как идеологическому яду, так и идеологическому нектару»¹.

Рассуждая таким образом, функционалисты полностью порывают с наукой и становятся проповедниками крайне субъективистских, волюнтаристских воззрений на общество, ибо что значит доведенный до крайности формализм в социологии, как не полное отрицание объективной истины науки, объективных законов жизни и развития общества. Сказать, что интеграция социальной жизни может происходить вокруг любых «ценностей» и «интересов», разве это не значит уподобить общество футбольному мячу, который можно послать в какую-нибудь сторону, если там окажутся «ценности», «интересующие», например, американские монополии.

Такова классовая суть функционализма со всеми его формалистическими построениями «чистой» и «нейтральной» по отношению к идеологической борьбе в современном мире модели социальной системы.

Современная эпоха убедительнейшим образом подтвердила истину марксистско-ленинской науки о том, что не может социальная жизнь строиться вокруг каких угодно «ценно-

¹ R. Merton. Social Theory and Social Structure, p. 45.

стей». Объективная логика исторического развития ведет к торжеству только одних, объективных ценностей, а именно коммунистических общественных отношений без эксплуатации человека человеком. Может ли быть что-либо более благородным для ученых, чем тщательное изучение этого всемирного исторического процесса, посильная помощь народам в борьбе за социальный прогресс, за достижение лучшей жизни. Социологи не могут пожаловаться на то, что для их научных обобщений не хватает материала. Его больше чем достаточно, необходимо только отбросить реакционные субъективистские концепции и представления о том, что социальную систему можно строить так, как кому заблагорассудится.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ФАЛЬСИФИКАТОРЫ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ НАУКИ ОБ ОБЩЕСТВЕ ЗА РАБОТОЙ

В заключение нельзя пройти мимо еще одной особенности писаний функционалистов, проливающей свет на классовую роль функционализма. Мы имеем в виду постоянные попытки функционалистов сопоставлять свои взгляды с марксистско-ленинской наукой об обществе, попытки, искажающие и фальсифицирующие исторический материализм. Так поступают функционалисты прежде всего с исходным, коренным положением марксистского мировоззрения.

«Маркс, — пишет Парсонс, — известен своим изречением, что Гегель стоял на голове, а он, Маркс, поставил его на ноги. Что он хотел этим сказать? Только то, что динамические силы истории находятся не в имманентном саморазвитии духа в гегелевском смысле, а в совершенно другой сфере, сфере человеческих интересов»¹.

Но Парсонсу должно быть известно, что «человеческие интересы» бывают различными: экономические, политические, моральные, научные, эстетические и т. д. Одни из них непосредственно связаны с производством материальных благ, с трудовой деятельностью людей, другие относятся к области управления обществом, к духовной жизни общества. Поэтому Маркс и не мог считать все человеческие интересы «динамическими силами истории». У Маркса в указанном месте речь идет совершенно о другом.

«У Гегеля, — писал Маркс, — диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно»². Говоря о «мистической оболочке», Маркс имел в виду идеалистическое воззрение

¹ T. Parsons. The Structure of Social Action, N. Y., 1937, p. 490.

² К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 19.

Гегеля, превратившего процесс мысли под названием идеи в «самостоятельный субъект», в «демиурга (творца) действительности». «У меня же, наоборот, — писал Маркс, — идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹. Применительно к обществу это означало, что не общественное сознание, идеи и не «интересы человеческие» вообще определяют общественное бытие, реальный процесс их жизни, а, наоборот, общественное бытие определяет общественное сознание. Вот в чем Маркс видел коренное отличие созданного им диалектического материализма от идеализма Гегеля. Диалектика мысли, сознания, по Марксу, есть лишь более или менее точное отражение в человеческой голове диалектики объективного, материального мира.

Признание независимости общественного бытия от общественного сознания, имманентно присущие бытию законы диалектического развития и отражение их в общественном сознании, в мышлении, в духовном мире человека, вот в чем суть, главное, коренное отличие исторического материализма от объективного и субъективного идеализма, в том числе и от функционализма.

В то время как Парсонс подставляет под марксистское понятие независимого общественного бытия свои понятия о «человеческих интересах» и «ситуациях действия», Мертон, ссылаясь на то же изречение Маркса, желает доказать, что его новая «критическая» разновидность функционализма относится к старому, парсонсовскому функционализму почти так же, как марксизм относится к гегельянству. Мертон пишет, что подобно тому, как Маркс отбросил гегелевскую мистику идей, так он «очистил» функционализм от телеологизма, мистики, консерватизма и т. п. Из всех подобных сопоставлений Мертона читатель должен заключить, что он якобы произвел целый «переворот» в социологии, превратив функционализм в научную теорию. Хотя, как мы уже убедились, в результате всех его поправок старый идеалистический функционализм приобрел не научный, а лишь более формалистический характер.

Функционалисты сопоставляют свои взгляды и с рядом других важных положений марксистской теории. И каждый раз, за теми редкими исключениями, когда необходимо бывает все же сохранить какую-то видимость внешней беспристрастности, все эти марксистские положения выходят из-под пера функционалистов в корне извращенными, разбавленными их собственной терминологией.

Взять, к примеру, положение об исторической миссии про-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 19.

летарната как могильщика капитализма и созидателя нового, коммунистического общества, положение, вытекающее из всего существа марксизма, как самой передовой революционной и строго научной теории. Весь смысл и значение этого важнейшего марксистского положения Парсонс усмотрел лишь в том, что оно «весьма похоже на обычный элемент ценности». Выходит, что одни видят эти ценности в религии, другие в мещанском самодовольстве, третьи в капиталистическом бизнесе и в бизнесменах, четвертые... и т. д. и т. п., ну, а Маркс увидел эту «ценность» в пролетариате. Все зависит-де от того, кому что придется по душе, и Маркс мол не является исключением из этого правила.

Вот чем руководствовался Парсонс, когда он писал свои слова об «обычном элементе ценности» в марксизме. В общем у Парсонса получается, что и Маркс был бы неплохим функционалистом, если бы он признал и некоторые другие «ценности», вроде капиталистического бизнеса, буржуазной морали и т. п.

Обращают на себя внимание постоянные попытки функционалистов, и особенно Парсонса, истолковать марксистское учение как лишь личное убеждение Маркса, а научное обоснование им неизбежности торжества коммунизма и руководство революционной борьбой пролетарских масс как стремление Маркса добиться реализации лишь «своего собственного идеала».

Да, Маркс добивался «реализации собственного идеала», идеала освобождения пролетариев от капиталистической эксплуатации, разрушения буржуазного общественного строя и построения коммунистического общества. Но этот идеал Маркса как величайшего революционера, выразителя дум и надежд всего угнетенного человечества, есть не просто «ценность» среди других «возможных ценностей», а единственно правильный вывод из науки, основанный на глубоком анализе объективной логики общественного развития. И как счастлив должен быть человек, когда его личные убеждения и идеалы полностью совпадают с выводами науки!

* *
*

Из того, что мы узнали о структурном функционализме, можно сделать теперь некоторые выводы.

Структурный функционализм претендует на научное объяснение общества. Его представители считают свои взгляды «универсальной» теорией, якобы раскрывающей структуру человеческого общества вообще и имеющей поэтому методологическое, руководящее значение для всех других общественных наук и эмпирических исследований.

На деле же функционализм не дает и не может дать решения каких-либо общественных вопросов. Ставя жизнь общества в зависимость от общественного сознания, он представляет собой лишь одну из разновидностей субъективно-идеалистической социологии. Однако этот субъективизм преподносится не в откровенной, а в прикрытой, замаскированной учеными терминами и понятиями форме, что может сбить, при поверхностном рассмотрении, с правильной оценки его как идеалистической социологической теории.

Характерная черта функционализма — его антиисторичность, абстрактность, формальный подход к обществу. Представители его «открыли» якобы более «простой элемент» в общественной жизни, чем общественное бытие и общественное сознание, и тем самым им будто бы удалось преодолеть «односторонности» и материализма и идеализма и создать «чистую науку» об обществе.

Но указанные «простые элементы», как было выяснено нами, оказались фикцией. То или иное социальное действие, представляемое функционалистами в качестве «простейшего элемента», носит сложный характер и не может служить исходным пунктом научной социологии.

Представляя человеческое общество в виде системы, складывающейся из абстрактных, оторванных от материальных условий жизни людей «простейших элементов», функционализм ведет к отрицанию единственно научного материалистического учения об общественно-экономических формациях.

Структурный функционализм сводится по существу к «разработке» и «систематизированию» таких «образцов» поведения людей, которые направлены на сохранение существующего капиталистического строя. Подобное рассмотрение социальных явлений, например, капиталистического бизнеса, буржуазного государства, религии, не могло не привести к апологии, оправданию обреченного на слом буржуазного общественного строя. Но этим самым функционализм доказывает и свое собственное полное банкротство.

СОДЕРЖАНИЕ

Социологический функционализм и его представители	4
«Простые элементы социальной системы» и что за ними скрывается	12
О структуре социальной системы, ее «принципиальных элементах» и «добросовестных бизнесменах».	18
«Функциональное единство» общества и чего оно требует от людей	23
В чем корни социального напряжения в американском обществе (о «дисфункциях» и «дезинтеграции»).	29
О политической власти в США и ее мнимых и действительных функ- циях	32
О «коллективистской структуре» экономики США, или о том, как капитализм приукрашивают под социализм	36
«Гремящий пустой бочонок» и идеологическая борьба в современном мире	39
Функциональные фальсификаторы марксистско-ленинской науки об обществе за работой	42

Автор
Мухетдин Шарафутдинович
Бахитов

Редактор **А. И. Воронов**
Техн. редактор **А. С. Назарова**
Корректор **Е. Э. Ковалевская**
Обложка художника **А. Г. Ординарцева**

Сдано в набор 17.X 1962 г. Подписано к печати 20.XI 1962 г. Изд. № 363.
Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Бум. л. 1,5. Печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 2,78.
А 11112. Цена 9 коп. Тираж 42 000 экз. Заказ 3318.
Издательство «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Типография изд-ва «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

В 1962 году по философской серии вышли следующие брошюры:

1. Шендрик М. П. Историческая роль диктатуры пролетариата.
2. Игитхян М. Х. Сила общественного мнения.
3. Крутов Н. Н. Социалистический коллективизм.
4. Баженов Л. Б. Материализм — знамя науки.
5. Модржинская Е. Д. Антикommунизм — оружие империалистической реакции.
6. Саушкин Н. М. Выдающийся документ творческого марксизма.
7. Ойзерман Т. И. Философия Фихте.
8. Воронов А. И. Интуитивная философия Бергсона.
9. Познер А. Р. Революция в физике и проблемы научной методологии.
10. Прокофьев В. И. Диалектический материализм — основа научного атеизма.
11. Асмус В. Ф. Жан-Жак Руссо.
12. Платонов Г. В. Коммунизм и наука.
13. Перлов И. Д. Суд и общественность в борьбе с тунеядцами.
14. Царегородцев Г. И., Чеснокова С. А. Философские проблемы медицины.
15. Григорян Л. А. Государство — это мы.
16. Келле В. Ж. Коммунизм и гуманизм.
17. Ковальчук А. С. Характер скачка от социализма к коммунизму.
18. Яковлев А. Н. Старый миф в Новом Свете.
19. Парамонов Н. З. Закон отрицания отрицания.
20. Трофимов П. С. Эстетическое воспитание строителей коммунизма.
21. Фурман Г. Н. Советская семья.
22. Кутасов Д. А., Тер-Захарян А. И. Из царства необходимости в царство свободы.
23. Самсонова Т. В. Нравственное воспитание трудящихся.

Не забудьте продлить подписку на 1963 год!

Подписная цена:

на год	— 1 руб. 80 коп.
на полугодие	— 90 коп.
на квартал	— 45 коп.
на месяц	— 15 коп.

Подписка принимается всеми отделениями «Союзпечати» и общественными распространителями печати.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

9 коп.